

3. Зеленский В.В. Послесловие к книге: В.Одайник. Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга. – СПб: Ювента, 1996.
4. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. Перевод с латинского. – СПб, 1834.
5. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. – М, 1990.
6. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. – М-Волгоград: Перемена, 2000.
7. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. – М, 1982.
8. House of Commons Hansard Debates, <http://www.publications.parliament.uk>

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОКРАСКИ

Е.А.Медведева

Белгородский госуниверситет

Исследование семантического аспекта языковых единиц особенно актуально в настоящее время в связи с развитием теории номинации. Освещение вопросов, связанных со способом образования номинативных единиц, помогает глубже постигнуть не только социальную и гносеологическую природу языка, но и системную организацию лексики, особенности ее изменения и развития. Исследования содержательной стороны наименований дают возможность раскрыть суть взаимодействия языка и мышления, а именно, рассмотреть соотношение таких категорий как понятие и значение, изучить организацию содержательной структуры языковых единиц, выявить механизм их семантических преобразований.

По своей природе семантическая организация языковых единиц является результатом процесса номинации, которая понимается в гносеологическом аспекте как познание объективной действительности и обращение внеязыковых фактов в достояние системы языка, т.е. в языковые значения. А процесс познания в свою очередь представляет собой результат отражательной, познавательной-классифицирующей деятельности человеческого сознания, в основе которой лежит оценка фактов экстралингвистической действительности (Хованская, 1984: 115; Шашкин, 1987). В отличие от релятивной (Ельмслев, 1960) и ситуативно-контекстуальной (Л. Блумфильд, 1968) теорий субстанциональный подход к проблеме значения рассматривает его как содержательную категорию, рационально-оценочную по своей природе и связанную, прежде всего, с познавательной деятельностью человека (Л.В.Щерба, В.В.Виноградов, С.Д.Кацнельсон, З.И.Хованская и др.). При этом возникает вопрос о соотношении понятия как категории мышления и значения, являющегося категорией лингвистической. Существует два возможных его решения: 1) понятие и значение полностью совпадают; 2) объем понятия неравен объему значения. Дискуссии в этом направлении привели к необходимости разграничения понятия на научное, фиксируемое, как правило, в энциклопедических словарях, и обыденное, находящее отра-

жение в лингвистических словарях. Первая точка зрения (понятие и значение совпадают), которую разделяем и мы вслед за Щербой Л.В. и Хованской З.И., исходит из представления о подвижном характере понятия, которое формируется и изменяется параллельно со значением слова. Таким образом, понятие как продукт интеллектуально-познавательной деятельности человека фиксирует из бесконечного множества признаков предметов и явлений основные, выделяемые всеми членами языкового коллектива и составляющие ядро лексического значения. Это так называемые денотативные компоненты лексического значения, составляющие суть обыденного понятия, находящего отражение в лингвистическом словаре.

Вместе с тем в языке отмечается целый пласт лексических единиц, семантическая структура которых содержит помимо денотативных признаков компоненты стилистической окраски (образный, эмоционально-оценочный и функционально-стилевую маркированность), отражающие результаты эмоциональной деятельности сознания (Хованская, 1984: 116-132; Шашкин, 1987). Познавательная деятельность человеческого сознания не ограничивается простым отражением объективных свойств предметов и явлений. В силу своего творческого характера она включает также и элементы оценки, связанные не только с особенностями восприятия, но и с потребностями выделить в предметах их функциональное предназначение, т.е. с общими потребностями трудовой практики. Этот аспект познавательной деятельности порождает в языке оценочность двух видов. Во-первых, это "рациональная" оценка, связанная с классифицирующей деятельностью человеческого сознания, с выбором того или иного признака предмета или явления как наиболее существенного. Во-вторых, это "эмоциональная" оценка, отражающая аффективную сферу психической деятельности и представленная в виде эмоционально-оценочного компонента стилистической окраски. В отличие от рациональной оценки, носящей "скрытый", интеллектуализированный характер и входящей в понятийное ядро значения, эмоционально-оценочный компонент в силу своей высокой интенсивности проявления рассматривается в качестве самостоятельного компонента, находящегося на дифференциальном уровне содержательной структуры наименования.

Образный компонент, в основе которого лежат представления, является образной основой наименования, под которой понимается конкретный предмет, образ, послуживший признаком номинации и воспринимаемый современными носителями языка благодаря специфической форме соответствующей единицы и ее парадигматическим отношениям. Образный компонент, находящийся на дифференциальном уровне семантической структуры наименования, очень тесно связан с эмоционально-оценочным компонентом, а интенсивность его проявления зависит от степени его несогласования с понятийным ядром: образность проявляется наиболее рельефно в случае ее явного расхождения с понятийным ядром лексического значения по основным категориальным признакам.

Третий компонент стилистической окраски языковых единиц (функционально-стилевая маркированность) является сигнальным компонентом значения, сообщая определенную информацию об особенностях употребления наименования. Тесно взаимодействуя с двумя другими компонентами стилистической окраски, функционально-стилевая маркированность занимает, как правило, положение категориального признака. Однако с утратой образной основы и ослаблением оценочного компонента функционально-стилевая маркированность может получить статус дифференциального признака, оставаясь единственным компонентом, поддерживающим статус лексической единицы как стилистически окрашенной.

При подобном подходе к трактовке семантики языковых единиц, демонстрирующем во всей полноте справедливость утверждения тесной связи языка и мышления, мы получаем возможность более полно представить организацию значения языковых единиц и особенности изменения их содержательной структуры. Для иллюстрации данного положения предлагается нижеследующий синхронно-диахронный компонентный анализ семантики французского наименования "lardon", входящего в лексико-семантическую группу (ЛСГ) номинативных единиц, соотносящихся с понятием «ребенок».

Данное обозначение является производным от "lard" (*graisse ferme formant une couche épaisse dans le tissu sous-cutané du porc, employée en cuisine*) и восходит к латинскому этиму "lardum" (солонина, соленое свиное сало) (Robert, 2000). В процессе номинации (конец XII века) номинативная единица "lardon" изменяет понятийную соотношенность и служит в языке для обозначения кусочка сала, имеющего определенную форму и размер и служащего для шпиговки мяса (*Lardon n.m. Morceau de lard gras long et mince dont on larde la viande* (Robert, 2000)). Сужение понятийной соотношенности обозначения демонстрируют противопоставления "une couche – un morceau" и "épaisse – mince", что не препятствует наименованию сохранять связь с мотивирующей его номинативной единицей благодаря сохранению сферы применения обозначаемого вещества (*cuisine*). Однако у мотивированного наименования происходит не только конкретизация цели утилизации обозначаемого вещества (*larder la viande*), но и ее дифференциация с уточнением способа его применения (*- Petit morceau de lard maigre qu'on fait revenir pour accompagner certains plats* (Robert, 2000)), что подтверждает изменение понятийной соотношенности обозначения в сторону сужения. На данном этапе функционирования наименование "lardon" является нейтрально-информативным, о чем свидетельствует компонентный анализ. Перераспределение компонентов семантической структуры в процессе номинации объясняется особенностями парадигматических связей наименования "lardon" в лексике этого периода, а также наличием наименования "bacon" (*lard fumé, assez maigre, consommé en tranches fines généralement frites* (XIII-e s.) (Robert, 2000)).

Последующие изменения семантики обозначения, вызванные вышеуказанным фактом, являются результатом ассоциативных связей диффе-

рещиально значимых признаков наименования "lardon-graisse", отражающих особенности размера и функциональной значимости (см. long et mince dont on larde) со спецификой производственной деятельности. В результате этого данные признаки становятся дифференциально значимыми в семантической структуре наименования "lardon-bouchon", в силу чего данное наименование приобретает специфический терминологический характер (Techn. Petit morceau de métal servant à boucher une fissure (Robert, 2000)). Параллельно с данными семантическими изменениями наименования "lardon-graisse" устанавливается ассоциативная связь величины ломтика сала (см. morceau de lard gras long et mince) с возрастом человека, в результате чего небольшой временной отрезок, характеризующий продолжительность прожитого человеческим существом периода жизни становится дифференциально значимым признаком семантической структуры наименования "lardon-petit enfant", функционирующего в языке для обозначения человеческого существа в детском возрасте ((1878) Fam. Enfant en bas âge. (Robert, 2000)). Данное обозначение является стилистически окрашенным, так как включает дифференциально значимые компоненты: образность, оценочность и функционально-стилевую маркированность. Образный компонент проявляется достаточно рельефно, поскольку не совпадает с понятийным ядром по признакам «вещественность/антропонимичность». Оценочный компонент приобретает высокую интенсивность проявления как в силу принадлежности образу, так и в силу специфики функционирования обозначения в языке (см. Fam.). Характер оценки в структуре наименования носит насмешливо-уничижительный оттенок (Chiard, lardon,... sont populaires et peuvent s'employer par plaisanterie ou péjorativement (Bailly, 1969)), однако не все лексикографические источники содержат стилистическую помету, уточняющую способ оценки индивида. Отметим также неоднозначность трактовки принадлежности языковой единицы к тому или иному функциональному стилю речи. Если Bailly (1969) и Robert (1969) указывают на просторечность обозначения "lardon", то Robert (2000) сопровождает наименование пометой "Familier". Это может свидетельствовать об изменениях, происходящих в семантической структуре языковой единицы и о расширении сферы ее употребления посредством перехода из просторечной лексики в разговорную как следствие ослабления связи с мотивировавшей ее единицей и уменьшения рельефности проявления образного компонента.

Таким образом, при трактовке семантики обозначений в свете субстанциональной теории мы получаем возможность рассматривать семантику номинативных единиц как результат познавательно-классифицирующей деятельности сознания, порождающей в языке два вида наименований (нейтральных и стилистически окрашенных), которые по своей природе являются оценочными. Компоненты стилистической окраски (оценочный, образный и функционально-стилевая маркированность) находятся в тесном взаимодействии друг с другом и составляют неотъемлемую часть лексического значения.

Библиография

1. Хованская З.И. Стилистика французского языка. - М., 1984.
2. Шапкин Л.М. Оценочная номинация во французском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1987.
3. Bailly R. Dictionnaire des synonymes de la langue française. - Paris, 1969.
4. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. - 6 v. - Paris, 1969.
5. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. -Paris, 2000.

О ГРАНИЦАХ ТЕОРИИ ПРАГМАТИКИ

Л.М.Минкин

*Харьковский государственный
педуниверситет, (Украина)*

С.А.Моисеева

Белгородский госуниверситет

Казалось бы, область теории лингвистической прагматики не имеет четких границ. Вместе с тем прагматика не может быть растворена в лингвистике, социологии, теории дискурса, психологии общения и других областях современной гуманитарной науки. Теория прагматики располагает своими базовыми положениями, своим научным пространством. Прагматика придает трактовке лингвистических фактов, фактов дискурса, психологических аспектов общения особый теоретический статус, углубляя и расширяя их интерпретацию.

Первоначально термин прагматика обозначал раздел общей теории знаков (семиотики) наряду с синтаксисом и семантикой (Morris, 1938). Исследователи неоднократно подчеркивали необходимость комплексного подхода, и, прежде всего, семантико-прагматического, к характеристике языковых явлений (Anscombe, Ducrot, 1988: 17). Интенсивное развитие прагматики (Reboul, 1995: 32-33) параллельно с углублением коммуникативного подхода к языку, связанного с теорией интерактивного вербального общения, привлечение данных когнитивной психологии для анализа процессов хранения, переработки и продуцирования языковой информации подготовили новое осмысление прагматики и ее связи с лингвистикой (Op. cit.; 36). При этом прагматика сохранила свое исходное научное поле, куда входил анализ местоименных, локальных и темпоральных маркеров, перформативных глаголов соответствующих высказываний, способов и средств отрицания, некоторых наречий, относящихся ко всему высказыванию и т. д. (Бенвенист, 1974: 259-320). Несомненно и то, что центральной для прагматики осталась теория речевых актов, которая обогатилась отдельными положениями теории аргументации и концепции полифонии (Anscombe, Ducrot, 1988: 163-174).

До возникновения новой теории прагматики расширение ее научного поля происходило в рамках общей интеграции синтаксиса, семантики и